

ЧЕРНЫЙ ЮМОР В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ COVID-19

Корес Юлия Евгеньевна

a. coresjuliaa@gmail.com, +79516580593

b. **Студент факультета Свободных искусств и наук, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия**

Аннотация

Цель исследования – раскрытие семантической сущности черного юмора во время пандемии COVID-19. В статье акцентируется внимание на терапевтическом эффекте юмора на людей в сложных ситуациях из-за присущей ему функции отрицания смысла изречения и речи, в целом. Определяется содержание понятий «смех» и «юмор», анализируются различные теории происхождения и семантики смеха и юмора, выделяется наиболее перспективная теория, на основе понимания физиологического принципа работы смеха. Отмечено, что смех всегда является одинаково дружелюбным игровым сигналом, а меняется только его культурный контекст - в зависимости от периода истории и от каждого отдельного человека. Научная новизна заключается в междисциплинарном рассмотрении вопроса юмора с анализом произведений известных философов и ученых всего человечества и с привлечением примеров из современного юмора во время пандемии. В результате исследования была обоснована теория Дж. Салли, систематизированы ключевые теории смеха и юмора, проанализированы отличия черного юмора от обычного юмора, раскрыта истинность и смысл юмора в обществе, заключающийся в самоотрицании, в снятии социального напряжения и облегчении страданий от негативного опыта. Подчеркивается, что благодаря уничтожению серьезного отношения к сложной ситуации во время смеха, юмор оказывает терапевтический эффект. В частности, он помог многим людям справиться с тяжелым периодом, в виде пандемии коронавируса и, в следствие нее, экономических потрясений.

Ключевые слова: смех, юмор, черный юмор, пандемия, метакоммуникация, шутки, ирония

Текст

Многие люди порицают черный юмор, считая его жестоким и аморальным. Тем не менее, он становится все более популярным. Во время самоизоляции из-за пандемии коронавируса черный юмор захватил нас с особенной силой. Миллионы людей сидят дома, переживая возможно самый стрессовый период в их жизни, и пересылают друг другу анекдоты, мемы и смешные видео в мессенджерах и по электронной почте. Чтобы понять почему в такие

серьёзные времена мы все равно смеемся, нужно разобраться в понятиях смеха и юмора, посмотреть на их историю, происхождение и причины.

О том, почему мы смеемся, и что такое смех ученые многих наук спорят уже несколько тысяч лет, и так и не могут приблизиться к единому мнению. Но несмотря на то, что у ученых сложились разные мнения насчет смеха и юмора, в целом, все теории делятся на объективистскую, субъективистскую и реляционистскую (Козинцев 2007: 14).

Объективистская теория говорит о том, что источником смеха является объект, в субъективистской теории источник – субъект, а в реляционистской теории - отношение субъекта к объекту. То есть, когда мы считаем, что причина нашего смеха заключена в шутке, в милом нелепом ребенке, упавшем человеке или в любом другом объекте, мы придерживаемся объективистской теории юмора. Если мы думаем, что несмотря на наличие объекта (анекдота, например), причина смеха находится в нас самих – мы выступаем, как субъективисты. Если же считаем, что мы смеемся над нашим отношением к объекту, то мы – реляционисты.

Большинство теоретиков и простых обывателей являются объективистами и ищут источник смеха «вовне». Так, было создано огромное количество типовых примеров смешного – падающие и полные люди, некоторые животные, нелепые дети и т.д. Эти примеры можно рассмотреть в роли «худших людей» и во всем этом можно усмотреть «нелепость» и «снижение», но отношение к такому может быть и серьезным, вызывая у нас гнев, сочувствие или отвращение. Поэтому, нельзя называть какие-то объекты по определению смешными, ведь в другой ситуации, они могут быть и несмешными – объект вообще не имеет таких качеств. Юмор сам способен «снижать» любой объект.

Один из первых исследователей комического Аристотель также выступает последователем объективистской теории, когда говорит о том, что смешное заключено в нелепом и несовершенном объекте - «Смешное часто безобразно» (Козинцев 2007: 14). При этом, говоря о подражании «худшим людям» («худшими людьми» он считает шутов и тех, кто смеется вместе с ними), он представляется реляционистом, если «худшие люди» для него – это объект осмеяния, или субъективистом, если «худшие люди» — это объект подражания, как модель поведения.

Отец теории превосходства Гоббс считал смех проявлением тщеславия и чувства превосходства над более слабыми людьми или животными, которые становятся объектом

насмешек. Для Гоббса, весь смех – одинаков и зол. Он всегда означает высмеивание и торжество над кем-то другим. Анри Бергсон считал условием смеха – типичность персонажа. Если персонаж ведет себя как марионетка или животное, то есть не имеет индивидуальности, и им как будто играют внешние силы, то он будет комичен. Персонаж трагедии же – индивидуальность, поэтому у нас возникают к нему чувства сопереживания. В комедии играют люди, но интеллект у них, как у животных: «Комедия – басня наоборот»¹. А животное смешно только тогда, когда имеет свойства человека. Например, когда мы видим в животных тени сознания, похожесть действий на действия человека, или когда дети ведут себя похоже на взрослых - с такой же серьезностью, при этом оставаясь детьми, нас это обычно сильно забавит. Таким образом, Гоббс и Бергсон тоже следовали за объективистской теорией юмора.

Наиболее верной в понимании смеха и юмора, все же оказывается субъективистская теория. Кант был прав, считая, что не существует чего-то «смешного», причина смеха всегда в нас, а вне нас для смеха существуют лишь поводы, и то иногда, смех возникает без какого-либо внешнего повода. Кант выдвигал несколько несостоятельных концепций юмора, но одна из них ближе всего подошла к истине. Это теория о смехе - аффекте, возникающим из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто (Кант 1994: 207). Смех - не аффект, но доля правды в этом есть – во время смеха наше серьезное отношение к вопросу исчезает, заменяясь пустотой, «ничем», мы не можем мыслить. «Чувство юмора – талант переходить в такое расположение духа, когда судишь иначе» (Кант 1994: 208). Например, такие темы как убийства, насилие и сексуальные проблемы, в обычное время, вызывают у нас целый спектр серьезных чувств, но, когда мы смеемся над анекдотами на эти темы, наше серьезное отношение к ним пропадает, и вместо него остается «ничто». Выключение серьезности – необходимый атрибут смеха.

Немецкий писатель Жан-Поль, будучи субъективистом, говорил, что «комическое всегда живет в субъекте» и «серьезность – условие шутки» (Жан-Поль 1981: 142) А русский философ Бахтин заметил, что «смех освобождает не только от внешнего, но и от внутреннего цензора» (Бахтин 1965: 49). Фрейд – основоположник психоанализа считал, что весь юмор серьезен, и то, над чем мы смеемся, отражает наши скрытые неврозы. Человек возвышается над своими страданиями, смотря на них с метауровня и превращает их в фарс. Также, он называл юмор – «экономией мысленного пути» или «экономией на страданиях» (Фрейд 2007: 66). Мгновенность – основа для остроумия. Чтобы засмеяться над шуткой, важно - не успеть

¹ Цитата Августа Шлегеля

подумать, а как только мы понимаем смысл шутки, вся радость проходит. Смеясь, мы, также, избегаем страданий, которые в другом случае обязательно бы проявились. По этой же причине люди пьют алкоголь, употребляют наркотики, занимаются сексом и спят – для того, чтобы «сэкономить на страданиях». Возвращение в детство, своеобразный регресс к нашему «Оно», цель употребления алкоголя, и также цель юмора. Я не согласна с утверждением Фрейда и его последователей, что наш юмор отражает психические проблемы, которые мы тщательно скрываем, так как это значило бы, что большинство людей сейчас – это скрытые невротики. Тем не менее, его гипотеза об том, что юмор помогает нам избежать страданий и мыслительного процесса, кажется близкой к правде.

Великий русский режиссер Эйзенштейн тоже связывал юмор с регрессом. Он считал, что «главный элемент смешного – спуск на низкую ступень развития». Юмор, по его мнению, совмещает в себе две противоположности – здравый смысл и «представление дикаря» (Эйзенштейн 1966: 60). Так, последнее заставляет наше сознание притворяться его древней версией. В этих догадках, Эйзенштейн приблизился к сути смеха ближе, чем остальные.

Мы ознакомились с заключениями многих ученых о вопросе смеха и юмора. Кто-то из них подошел близко к разгадке этого вопроса, кто-то, наоборот, ушел дальше от понимания этого сложного явления из-за концентрации на семантике юмора. Но стало очевидно, что необходимо объединить труды всех ученых и философов, чтобы подойти к пониманию смеха.

Смех исследовали во многих науках. Большинство философов, используя чистые умозрения, так и не смогли разгадать смех. Филологи и лингвисты анализировали комические тексты и изучали применения юмора в литературе, стремясь понять, какие условия необходимо соблюсти, чтобы текст был смешным. Фольклористы изучали устные комические тексты, мифы и сказки. Культурологи изучили древние смеховые обряды. Психологи, несмотря на большое множество противоречивых теорий, смогли собрать ценные данные об эмоциях, онтогенезе юмора и различиях в его восприятии. С помощью физиологии, мы приблизились к пониманию принципа работы смеха, но не к его смыслу и функции. А этологи сделали большой вклад в понимание происхождения смеха. И только совсем недавно было решено сделать синтез наук о смехе, который назвался гетологией. В начале 20 века Джеймс Салли предпринял первую попытку объединения всех накопленных знаний о смехе, но его труды были забыты, хотя именно его работы не потеряли своей научной объективности и до сих пор актуальны.

Итак, смех появился от протосмеха – псевдоагрессивной игры у высших приматов. Протосмех, как и смех, у нас сейчас – означал для приматов несерьезность нападения. Щекотка, по сути, представляет собой рудимент игровой борьбы приматов, социальное взаимодействие-псевдоагрессию с использованием того же игрового сигнала (смеха). После появления речи и культуры – главных атрибутов человека, смех приобрел новую функцию антагониста по отношению к этим атрибутам. Он стал защищать человека от влияния этой новой системы коммуникации (речи) и новой системы норм (культуры). Это подтверждается признаками смеха: смех – стихийен, произволен, заразителен и имеет коллективный, негативистский игровой характер. Еще один признак смеха, возникший в ранних этапах антропогенеза – антагоничность по отношению к речи, мысли и действию.

Все эти признаки являются пережитками архаического прошлого. Высшие приматы – очень свободолюбивые животные, и когда они зачем-то придумали речь, им понадобилось что-то, что снимало бы с них стресс от речи и предписанных культурой норм. Так, смех был коллективен и приобрел свою заразительность. Смех несовместим с речью, и служит ее временным «прерывателем». Смех возникает тогда, когда доречевая коммуникация вступает в конфликт в речевой. «Хотя обезьяний протосмех семантически родствен человеческому смеху, их энергия несопоставима. В первом случае “отменяется” лишь одна норма, во втором – рушатся тысячи норм и табу, взрывается речь и остается то самое кантовское “ничто”. Не фрейдовское Оно и не сверх реальность дада, а Хаос на месте взорванного Космоса. Каждого, кто знает, что “ломать – не строить”, радуют эти мгновенные обрушения смысла, грандиозность которых уравнивается их иллюзорностью» (Козинцев 2004: 5).

Непроизвольность смеха объясняется тем, что механизм запуска смеха находится в подкорке нашего мозга – более древней части, которая не поддается контролю, а механизм торможения смеха находится в лобной коре – относительно новой части нашего мозга, которая отвечает за «произвольный контроль» и дает команду «неискренности», когда мы хотим остановить смех. Тем не менее, подкорка почти не подчиняется нам, поэтому смех обычно так сложно остановить. Более того, мы проявляем двойное самоотрицание, когда, пытаясь контролировать смех, но испытывая неудачу, мы закрываем рот рукой.

Сначала, людям была понятна разница между игрой и агрессией, но со временем они перестали замечать эту разницу, и теперь, многим людям кажется, что смех связан с агрессией, насилием и доминированием². Но смех по своей природе и содержанию дружелюбен, только

² Схожий взгляд имел Гоббс с его «теорией превосходства»

имеет псевдоагрессивную форму, а вот культура со временем начала использовать смех, как агрессию (например, насмешки, высмеивания). Смех – это эмоция, и также, как и другие эмоции смех – всегда одинаков, но может возникать от разных контекстов. На протяжении истории, менялись контексты смеха, как и других эмоций. Когда-то было нормой часто плакать от всяких мелочей, сейчас же мы, в основном, плачем только от серьезных потрясений. Когда-то люди ходили на публичные казни, как на развлечения и смеялись там от души, сейчас убийства вызывают у нас сильную негативную реакцию, в виде плача или крика. Контекст смеха менялся с течением истории и также он меняется в зависимости от человека и случая, но смех остается тем же самым. Ошибочное принятие контекста смеха за его вид создало путаницу в его определении. Но смех – это всегда игровой сигнал, который включается самостоятельно, когда наше родовое подсознание требует отключить все нормы языка и культуры и перейти на доречевой уровень.

Наше заблуждение насчет вопросов юмора и смеха вызвано тем, что мы навязываем знаковость всему, даже тому, что является физиологией. Например, зевота, чихание, смех (протосмех) у наших предков были физиологией, а таким же проявлением у нас люди присвоили знаковость (Козинцев 2007: 128). Также, мы стремимся превратить смех в очередной конвенциональный знак, пытаюсь найти объект смеха и смысл в семантике.

Смех первичен, а юмор вторичен. «Люди сначала смеялись, а потом появились комики» (Жан Поль 1981: 146). Юмор – один из поводов для смеха³. Юмор бывает бесконечно разным, и великое мастерство автора заключается в том, чтобы спровоцировать «отключение» смысла. И все-таки, у юмора нет семантики, он не меняет смысл, а отключает его. Юмор – это игра беспорядка, несерьезность, в которой он отключает референцию и сам язык.

«Причина радости в юморе – утрата объектом знаковости, а субъектом вовлеченности» (Козинцев 2007: 102). То есть, шутка теряет смысл, а человек лишается возможности мыслить. Это доставляет действительно большую радость, наряду с опьянением и сном. Алкоголь и юмор имеют одну цель – расслабление. Как мы уже поняли, смеху не нужен юмор, но юмору нужен смех, поэтому юмор можно рассматривать как искусство развлечения. Ведь цель искусства – катарсис, освобождающий нас от страстей. Цель юмора – та же «анестезия сердца»⁴, освобождающая нас от страстей.

³ Но часто его и не требуется для смеха

⁴ Термин «анестезия сердца» ввел Анри Бергсон.

Как писал Андре Бретон об открытии Жан-Пьер Бриссе о юморе восприятия: «Мы имеем дело с возвратом даже не отдельного индивида, но, в его лице, всего нашего общества назад, к волшебному миру детства. Очевидное противоречие между повседневным людским разумением и торжеством столь всеобъемлющего примитивизма в творчестве какого-нибудь художника или писателя высекает мощнейшую искру юмора самой высшей пробы, к рождению которого непосредственный автор произведений оказывается уже непричастен» и о Леоне Пьер-Кене: «Ближе других к пониманию сути вопроса подошел, наверное, Леон Пьер-Кен, в своей книге «Граф де Лотреамон и Бог», представивший юмор способом утверждения не только «абсолютного бунта подростка и внутренней непокорности взрослого», но и — шире — высшего мятежа разума» (Бретон 2018: 9). Юмор – активное самоотрицание, а суть юмора – провал символической коммуникации, нейтрализация всех оппозиций, кроме оппозиции серьезность – несерьезность.

Таким образом, в юморе нет семантики – несерьезное сообщение ничего не значит. В смехе семантика есть – смех имеет смысл «не принимайте это всерьез». Бунт человека против семиозиса, основанного на символах проявляется на разных уровнях: на уровне языка он называется юмором⁵, а на уровне речи – смехом⁶ (Козинцев 2007: 148). Юмор – это метаотношение, а смех – метасообщение, но они оба являются проявлениями самоотрицания.

Многие люди ошибочно не видят разницы в юморе и иронии. Юмор противопоставляется иронии тем, что в нем нет атрибутов речи (модуса и диктума)⁷, в нем нет референции, она фиктивна (например, анекдот про Штирлица на самом деле не о Штирлице, скорее о «шуте», который рассказывает этот анекдот, не понимая, что он говорит). Ирония имеет диктум и референцию, а задачей собеседника становится подметить ошибку в модусе. Ирония лишена зримых кавычек, но человек обычно понимает иронию собеседника по его интонации или по контексту (он думает не то, что говорит). Иронии не нужен смех, так как смех прерывает речь, а суть иронии – передать сообщение. Юмор не высмеивает, он объединяет людей во всеобщем поглупении. А вот ирония высмеивает (например, в насмешках), она разделяет людей. Сарказм – ирония доведенная до крайности. Ирония и сарказм могут быть обидны, ведь они не сопровождаются смехом – сигналом несерьезности «нападения».

⁵ Отключение смысла знаков

⁶ Отключение смысла речи и культуры

⁷ Модус – мысль (корова черная). Диктум – связь мысли с человеком (я верю, что корова черная)

Первоначально черный юмор⁸ означал меланхолическую, уединенную желчность. В конце 19 века, этот термин промелькнул в непопулярном тексте Гюйсманса, а затем в 1930-е был возрожден сюрреалистами из группы Бретона. Анри Бретон провел большую работу, создав сборник «черных» текстов – Антология черного юмора. В книге он проанализировал больше 30 авторов, начиная с Джонатана Свифта, в чьих произведениях был черный юмор. «Нет на свете ничего, включая даже само небытие, что умная шутка не сумела бы свести к взрыву хохота... Смех — одно из самых великолепных роскошеств, которое вплоть до проявлений поистине оргиастических все еще может позволить себе человек, — стоит на краю этого небытия, но выступает залогом уже самой бесконечности» (Бретон 2018: 9).

Знаменитая теория Фрейда и его последователей о том, что черные анекдоты рассказываются невротиками, как я уже заметила, кажется неправдоподобной, учитывая сколько миллионов людей обмениваются «грязными» шутками. Не может же быть, что большая часть человечества – тайные психопаты, скрывающие свои истинные желания в шутках. Но концепция юмора в узком смысле – «экономия на страданиях» находит отклик в антологии Бретона, который сравнил черный юмор с сюрреализмом: “юмор – это высшее опровержением реальности, титаническое утверждением принципа удовольствия”⁹ (Бретон 2018: 260). Не думаю, что можно согласиться с этим, ведь работы сюрреалистов не вызывают у нас смеха, в отличие от юмора.

Гершон Легман, сторонник теории Фрейда о неврозах, говорил: «Именно в любимых шутках каждого шутника, в его специальном репертуаре, мы можем различить лицо, скрытое за маской» (Brottman 2018: 42). Он утверждает, что все шутки носят агрессивный характер, а смех – зло, прорывающееся наружу. Легман считал, что чем грязнее анекдот, тем сильнее будет смех, иногда даже у рассказчиков. Этот смех – крик о помощи, а рассказчик перекладывает свои страхи на слушателей. Причина шуток и рассказывания анекдотов - в переливании своей тревожности и проблем другим, чтобы освободиться самому. Он говорил, что комиками в основном становятся травмированные невротики, а шутки про секс так популярны из-за того, что в нашем обществе тема секса табуирована, окутана множеством проблем и неуверенностей. Сейчас это похоже на какие-то конспирологические теории, которые очень популярны в обществе в «смутные» времена. Но на самом деле все эти странные предположения вызваны тем, что большинство теоретиков юмора не до конца распознали силу разрушительности юмора. Они пытались найти смысл внутри текста, и

⁸ От английского black humor.

⁹ Ссылаясь на фрейдовских Я и Сверх-Я

только Кант заметил, что важен не текст анекдотов, а их механизм превращения ожидания в ничто. Удовольствие от юмора, даже грязного, черного юмора, где, казалось бы, ничего приятного нет вообще заключается в уничтожении всякого смысла. Потому юмор можно считать искусством, что он с самого начала имеет какой-то смысл, а затем подрывает его, избавляясь не только от значения речи, но и саму речь и всю культуру в целом.

Наш язык противоречит сам себе, когда в словарях слово «смешное» значит как то, что вызывает смех, но люди также связывают с этим словом дополнительные значения, описывающие объект, например «нелепый», «неуклюжий». Но на самом деле, слово «смешной» не описывает объект. Смеющийся человек забывает все чувства и оценки, и не имеет никакого особого отношения к чему-то. «Сам пьяный может вызвать у нас не смех, а какое-то чувство, но, если мы все-таки засмеялись, это означает, что всякие чувства и оценки временно отменены» (Козинцев 2007: 27). Поэтому мы можем смеяться даже над самыми жестокими шутками, в них самих нет ничего смешного, смешное сидит в нас, а шутка является поводом для отмены всяческого отношения к ней и отказа от речи и культуры вообще.

Многие считают черный юмор целительным тем, что он высмеивает какую-то проблему, о которой мы обычно переживаем. Он помогает справиться со стрессом от тяжелых событий или катастроф. Юмор о катастрофах – глобальных человеческих трагедиях, иногда рассматривается как бунт против нагнетания трагизма, и попытка показать, что даже после страшного события останется радость. Кто-то находит причину черного юмора в противостоянии официальным взглядам, дискредитации общепринятых ценностей. В. И. Жельвис говорил, что человек, ценящий черный юмор не обязательно психически больной или маньяк – для него такой вид юмора может играть роль прививки от подлинной агрессивности, но настоящим маньякам и садистам такая прививка бесполезна, так как обычно в речи они ведут себя сдержанно.

Чуковский в своем дневнике писал: «Какой трудный, неблагодарный и внутренне порочный жанр искусства - анекдоты. Так как из них исключена поэзия, лирика, нежность, вас насильно вовлекают в пошлые отношения к людям, вещам и событиям – после чего чувствуешь себя уменьшенным и гораздо худшим, чем ты есть на самом деле» (Чуковский 2013: 44). Возможно такие чувства возникают после того, как ты посмеялся или сам рассказал анекдот, и когда эффект от него прошел, к тебе вернулась речь, ты понимаешь, насколько ужасные вещи там описаны и чувствуешь себя хуже из-за того, что смеешься над ними.

Ученые Герцог и Карафа вывели 4 категории черных анекдотов (по возрастанию жестокости): нонсенс, секс, инвалиды и мертвые дети (Martin 2018: 19). Результаты их опроса показали, что больше всего ценится юмор про секс. На втором месте для мужчин стоит юмор про инвалидов, а для женщин второе место делят инвалиды и нонсенс. Анекдоты о мертвых детях не нравятся никому. Скорее всего это вызвано внутренним «цензором» каждого человека. У всех есть какой-то порог, после которого черные шутки перестают восприниматься, как шутки и могут задеть чувства человека. Смеяться над шуткой о смерти – это одно, а смеяться, убивая кого-то – это совсем другое. Смех, как и любая другая эмоция, может возникать от разных контекстов. Разница между маньяком и обычным человеком в контексте их наслаждения. Смысл смеха¹⁰ – сигнал несерьезности нарушения нормы. Черный юмор – «анестезия сердца» на том уровне, когда не происходит такой же черной практики. Наслаждение от черного юмора происходит из того же источника, что и черные действия, но имеет преимущество безопасности, ведь смеясь и шутя, мы чувствуем себя простыми зрителями. Черный юмор, как и любой другой – это возможность абстрагироваться, и уйти от страданий, путем смеха. «Сэкономить на страдании» - только не в том смысле, который закладывал Фрейд, а в плане полной «анестезии сердца», отказа от речи и от мыслей.

Смех – часто выступает в роли «социальной смазки». То, что без него перешло бы в конфликт, превращается в шутку. В компании люди смеются, чтобы избавиться себя от ответственности за свои слова. Человек отстраняется от своих слов, выдавая их за несерьезность. Сопровождающий разговор человека смех – метакоммуникация, которая будто бы говорит «это говорю не я», «это думаю не я». А когда кто-то смеется, гораздо легче засмеяться самому, из-за «эффекта толпы» - не так давно ученые определили, что смех и другие эмоции могут быть заразительны благодаря зеркальным нейронам. Таким образом, кажется, будто всем смешно и все рады общению, что налаживает наши социальные связи несмотря на то, что это не всегда правда.

Черный юмор отличается от сатиры тем, что он не издевается над своей предполагаемой целью. Вместо того, чтобы выражать какое-либо отношение к реальности, черный юмор высмеивает все глупые способы представления реальности. Он высмеивает не только официальный взгляд на реальность, но и другие взгляды на нее, даже сатирический. Черный юмор, и в целом юмор, не говорит о его референте. Если бы референт юмора совпадал с референтом шутки, нам бы точно не показалась эта история забавной. Юмор — это чистое

¹⁰ Единственный, если и думать, что смысл у смеха есть, но это ведь просто эмоция.

отрицание, и отрицание не только той реальности, на которую он направлен, в отличие от сатиры, а отрицание всех способов представления реальности.

Так и с юмором во время пандемии COVID-19. Многим из нас смех действительно помог справиться с самоизоляцией. Некоторые использовали для релаксации алкоголь, наркотики, секс или сон, но в отличие от алкоголя и наркотиков, остальные безопасны. Существует популярное мнение, что юмор помогает физически излечиться от болезней или просто почувствовать себя физически лучше. Влияние юмора на организм ничем не было подтверждено, но психологически юмор облегчает страдания, и повышает способность терпеть боль. Так делает не только юмор, но и все другие позитивные чувства (Martin 2004: 4). Целебное воздействие юмора проявляется тогда, когда он направлен на себя, а не на других, но «анестезия сердца» есть в обоих. Так, человек, смеющийся над своими страданиями, немного возвышается над ними, проявляя великую силу духа. Смех, сам по себе, не дает чувства радости, но отказ от знаковости речи и культуры может нам доставлять эйфорию.

Темы юмора всегда отражают современные проблемы и тревожности людей, и он действительно обобщает нас, когда мы над ним смеемся. Но не в том смысле, что мы все смеемся над одними и теми же проблемами, а в том, что юмор объединяет нас в попытках «отключиться».

В пандемию участилось распространения обычного юмора: простых анекдотов, смешных картинок, видео с забавными животными и даже своих нелепых селфи и фотографий своих животных или детей. Причина популярности обычного юмора отчасти такая же, как и у черного. Во-первых, у людей стало больше времени на то, чтобы развлекаться, смотря и скидывая друг другу что-то комическое. Во-вторых, появилась необходимость отвлечься от постоянного чтения неприятных новостей и переживаний из-за здоровья и экономики на что-то позитивное. Этим позитивном отвлечением стали в основном фото и видео с животными - по моим наблюдениям, их было в несколько раз больше других «смешных» вещей и черного юмора.

Черный юмор в основном затрагивал политические события, сексуальные отношения и, конечно, болезни и смерть. В интернете было очень популярно видео собаки, которая лижет руку хозяйки, а когда та начинает кашлять, собака перестает лизать ее руку и смотрит на нее настороженно, будто боясь заразиться вирусом. Анекдот «мой кот начинает проявлять нервозность, потому что я уже несколько дней постоянно нахожусь на его территории»

показывает удивление и людей, и животных от новой реальности, где все проводят много времени вместе дома.

Были часты и анекдоты, «высмеивающие» свои пороки. Анекдот о привычке пить алкоголь дома на карантине «А что, если карантин закончиться, а моя привычка пить в обед – нет». Были популярны анекдоты, которые рассылались сборником: «Чем больше я нахожусь дома, тем бездомнее у меня вид», «Коронавирус уверенно мутирует в карманоминус...», «Весеннюю одежду можете не покупать - не понадобится. А размер летней вы еще не знаете», «Фраза "У него не все дома..." сейчас звучит как донос.», «Если самоизоляция не поможет, введут самоликвидацию.»

В интернете массово рассылались мемы. Например, в меме-картинке об удаленной работе (см. рис.1) смысл (если б он был у комического вообще) в том, как мы не можем оторваться от компьютера, так как дома никуда ходить не надо, мы перерабатываем. Анекдоты на подобную тему очень часто встречались в интернете. Мем о том, как все стали работать и общаться по видео связи в интернете с отсылкой на отсутствие материальной помощи малым бизнесам от государства в пандемию, из-за чего многие бизнесы закроются после окончания изоляции (см. рис.2). Анекдот про то, как многие люди чувствуют вину за то, что не проводят карантин продуктивно, так как большинство медийных лиц постоянно освещают свою очень продуктивную жизнь (рис.3).

Также, большое количество шуток в вирус высмеивало других, менее ответственных граждан («худших людей»), которые не соблюдали самоизоляцию и нарушали предписанные нормы. В основном, это были ирония и сарказм, а не юмор, смеха после таких фраз не требовалось, требовалось скорее осуждение. Скорее всего, в таких случаях, высмеивание других работают как успокоение самого себя. Мы назначаем «виновных», тем самым подразумевая, что только с теми, кто не следует правилам должно что-то случиться, а с нами нет. Мы будто говорим себе: «Я не такой, это только у таких, как они будут проблемы!» - в этом заключались, например многие комментарии к записи в социальных сетях о людях, устроивших шашлыки большими группами на майские праздники в парках, хотя это было запрещено. К сожалению, это не так, и никто ни от чего не застрахован, особенно от всемирного вируса, но это помогало людям. Анекдот «Петрович таки не смог удержать социальную дистанцию, находясь у соседки, у которой социальная ответственность имеет критически низкий уровень» затрагивает тему осуждения девушек легкого поведения и невозможность социального дистанцирования из-за человеческих потребностей.

Иногда и то, что подразумевается шуткой, является жестким издевательством. Например, в интернете распространялось видео под заголовком «Чем заняться на карантине», где показывались подростки, которые высовывали микрофон в окно и разыгрывали прохожих на улице, говоря, что будут в них стрелять из-за нарушения самоизоляции. Или, мем о пожарах в больницах с коронавирусом пациентами (см. рис.4). Смысл в том, что многие пациенты находились на аппаратах ИВЛ, и чтобы эвакуироваться, им нужно было снять аппарат, из-за чего они бы задохнулись. А не эвакуируясь, они бы сгорели. Также, был обсуждаем пост в одном из популярных комических новостных пабликов в ВК «Лентач» (см. рис.5). Подпись к этой картинке: «Во время карантина в России начала расти смертность от алкоголя, заявил глава Минздрава».

Среди старшего поколения были популярные анекдоты в виде стихов или частушек о вирусе и сложности жизни с семьей в самоизоляции (см. рис.6 и 7).

Смех – социален по своей природе, из-за этого люди практически не смеются в одиночестве. Поэтому даже в пандемию опасного вируса, люди смеялись, показывая анекдоты и мемы семье или друзьям, с которыми живут или общаются по видео связи. Так, во время самоизоляции, встречаясь с семьей в общих пространствах, люди пересказывали и показывали друг другу новые проявления комического. Либо шутки рассылались знакомым по интернету - и даже если мы читали шутку в интернете одни, мы все равно чувствовали себя в социуме, так как интернет дает иллюзию нахождения в нем.

В некоторых культурах, люди до сих пор смеются даже на похоронах. А.Г. Козинцев писал: «Сколь бы неуместным ни казалось нам такое веселье в присутствии смерти, оно свидетельствует лишь об одном: способность временно уничтожить серьезное отношение (особенно к психологически травмирующим темам) с помощью юмористического метаотношения была развита у древних людей во всяком случае не слабее, чем у нас. Мотивировки могли быть иррациональными, но само поведение было вполне рациональным» (Козинцев 2007: 135)

Также, и во время пандемии - смех помогает нам уничтожать серьезное отношение к проблеме и сложной ситуации хотя бы на какое-то время. «В страшных обстоятельствах у людей независимо от их роли и от их воли включается древний игровой сигнал словно для того, чтобы перенести их в забытое докультурное прошлое, когда смех значил: "это лишь игра"» (Козинцев 2007: 135). Более того, смех, как и смерть¹¹, уравнивает людей. Ведь от вируса погибли люди совершенно разных рас, национальностей, вер и материального состояния – так и смех в эти времена смог объединить нас своим проявлением и немного облегчить наши переживания.

Таким образом, мы ознакомились с различными теориями юмора и проанализировали самые актуальные из них. Мы увидели, что смех – это эмоция, доставшаяся нам в наследство от приматов, чтобы иногда уходить от бремени речи и культуры, которые мы приобрели с антропогенезом. Мы убедились, что и смех, и юмор являются проявлением самоотрицания, но на разных уровнях. А черный юмор ничем не отличается от любого другого юмора, он также заставляет нас отключиться от знаковости нашей речи. Тем не

¹¹ «Два великих уравнивателя – смех и смерть» - цитата А.Г.Козинцева

менее, юмор – это искусство, и как любое искусство – он выражает настроения и переживания общества. В сложные времена, такие как пандемия COVID-19, юмор чаще освещал темы здоровья, смерти и неправильных политических решений. И главное, он помог нам абстрагироваться от проблем, облегчить наши переживания, и сохранить наше психическое состояние в норме.

Литература

Бахтин М. (1965) *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М.: Искусство.

Бергсон А. (1992) *Смех*. М.: Искусство.

Бретон А. (2018) *Антология черного юмора*. М.: Алгоритм.

Жан-Поль Р. (1981) *Приготовительная школа эстетики*. М.: Искусство.

Кант И. (1994) *Критика способности суждения*. М.: Искусство.

Козинцев А.Г. (2004) *Юмор, культура, удовольствие*. Материалы международного форума 6-9 апреля 2004 г. .: Центр изучения культуры: 109-112

Козинцев А.Г. (2007) *Человек и смех*. СПб.: Алетейя.

Фрейд З. (2007) *Остроумие и его отношение к бессознательному*. М.: Азбука.

Чуковский К. И. (2013). *Дневник*. М.: Терра

Эйзенштейн С.М (1966) *Режиссура. Искусство мизансцены*. М.: Искусство.

Martin R. (2004) Sense of humor and physical health. *International journal of humor research* [https://www.researchgate.net/publication/249929599_Sense_of_humor_and_physical_health_Theoretical_issues_recent_findings_and_future_directions] (дата обращения: 28.04.2020)

Martin R. and T. Ford (2018) *The Psychology of Humor: An Integrative Approach*. Elsevier Academic Press.

Mikita Brottman (2016) *Funny peculiar: Gershon Legman and the psychopathology of humor*. London: Routledge.

Источники

Козинцев А.Г. (2006) *Культура, природа, язык, смех*. М.: Когнитивные исследования.

Пропп В.Я (1997) *Проблемы комизма и смеха*. СПб.: Аллетейя.

Provine R. (2001) *Laughter. A scientific investigation*. Penguin books.

Raskin V. (1984) *Semantic Mechanisms of Humor*. Springer Netherlands.